

ГЛАВА ИЗ НОВОЙ КНИГИ

А.Г. РАР,
ДИРЕКТОР ЦЕНТРА им. БЕРТОЛЬДА БЕЙЦА ПРИ ГЕРМАНСКОМ СОВЕТЕ ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ (DGAP) (ГЕРМАНИЯ)

СТАНЕТ ЛИ РОССИЯ ВНОВЬ ИМПЕРИЕЙ?*

Рассматриваются и анализируются пять возможных сценариев будущего развития России и ее взаимоотношения с соседними государствами и региональными объединениями.

Five possible scenarios of Russia future development and its interrelations with neighbouring states and regional associations are considered and given analysis to.

Россия больше не стремится на Запад, а пытается создать свою собственную модель реинтеграции на постсоветском пространстве, утверждает в вышедшей в 2011 г. в Германии книге «Холодный друг» один из ведущих западных экспертов по России и Евразии Александр Рар. Он предлагает пять возможных сценариев будущего и задается вопросом: почему же Запад нуждается в России? Его оценки отражают точку зрения человека, который уже три десятка лет пристальнейшим образом следит за событиями и процессами, протекающими в наших государствах, и переменами в общественном сознании.

Кто хочет обратно в Россию?

Существует пять вероятных сценариев будущего развития России (в самых общих чертах). Первый – все останется как есть. Динамика собственного развития постсоветского пространства будет определяться постоянным чередованием демократического и авторитарного управления. На длительное время оно останется нестабильным и подверженным воздействию со стороны ЕС и Китая. Влияние России на «осколки» ее бывшей империи ослабеет. Стране придется затрачивать все свои силы на достижение стабильности (вероятность – 35 %). Второй сценарий: Украина, Беларусь, Молдова и страны Южного Кавказа станут составляющей Запада, одна часть Средней Азии подпадет под контроль Китая, другая присоединится к Среднему Востоку. Россия будет предоставлена самой себе и на годы вперед останется поставщиком сырья и энергоносителей для стран Евросоюза и Азии. По своему геополитическому значению она будет примерно равноценна Бразилии и Латинской Америке (вероятность – 25 %). Третий сценарий: России удастся с помощью рычагов энергетической сверхдержавы частично восстановить зону своего влияния в рамках «славянского союза» с Украиной и Беларусью или «евразийского союза» с Казахстаном. В этом случае Россия останется серьезным конкурентом Европы, что, впрочем, не исключает стратегического партнерства между ними (вероятность – 25 %). Четвертый вариант: Россия совершит прорыв к демократии, вместе с западными республиками бывшего Советского Союза примкнет к сформированной Евросоюзом и НАТО Европе и приобретет в ней вес, который сегодня имеют Франция или Великобритания (вероятность – 10 %). Пятый, экстремальный, сценарий – развал на 20 мини-государств означал бы, что

* Публикуется по: Дружба народов. 2012. № 1. С. 147–157.

Россия попрашивается с мировой историей (вероятность – 5 %). Этот сценарий настолько же неправдоподобен, как и утопическая мечта русских националистов о возрождении Советского Союза.

Большинство аналитиков верят в осуществление первого сценария. ЕС уверен, что по сравнению с авторитарной российской моделью власти он обладает гораздо более привлекательной системой, которая в будущем может оказать «эффект всасывания» всех его восточных соседей. Российская политическая система, базирующаяся на специфическом национально-государственном мышлении, менее привлекательна для других стран. Интеграция России, если ей суждено осуществиться, будет протекать лишь в русле прагматических экономических интересов или произойдет перед лицом большой угрозы со стороны. Между тем бывшие союзные республики в экономическом плане сотрудничают с другими экономическими блоками Европы и Азии. Угроза расширения НАТО на Восток больше не является консолидирующим фактором для создания образа врага, так как многие постсоветские государства уже давно лелеют надежду на вступление в НАТО, которое, по их представлению, распахнет им двери на Запад. Для новых независимых стран экономический гигант Китай сегодня больше не является пугалом, скорее наоборот. В образе врага остается исламский экстремизм, от которого Москва не может защититься даже на собственной территории – Северном Кавказе, не говоря уже о других странах.

Будучи империей, Россия постоянно завоевывала и после этого пыталась обратить в православие присоединенные к ней страны. Сейчас она сама в вопросах демократии вынуждена принимать миссионерскую помощь Запада. Для расположенных на Европейском континенте бывших советских республик притягательная сила ЕС и НАТО настолько сильна, что России не приходится рассчитывать на противоположную тенденцию – в ее направлении. Кто получит большее влияние на Кавказе – Россия или Запад, зависит от того, кто будет контролировать энергетические транзитные маршруты. Среднюю Азию сегодня можно сравнить со свободно парящим небесным телом, которое вот-вот будет притянута какой-нибудь неподвижной звездой – Россией, Китаем или Средним Востоком. Русский язык как основное средство общения потеряет свое значение. В государствах Средней Азии и Южного Кавказа подрастает новое поколение совсем без знания русского языка.

Согласно второму сценарию ЕС лишит Россию ее бывшей сферы влияния. До того как появилась стратегия восточного партнерства, Европа поддерживала прозападные бывшие советские республики – Грузию, Украину, Азербайджан и Молдову, которые объединились в организацию ГУАМ (названа по начальным буквам стран-участниц). ГУАМ должен был стать форумом для взаимного содействия скорейшей интеграции в европейские и евроатлантические структуры и приближению к Евросоюзу. Однако от названия ГУАМ регулярно отваливались буквы, так как некоторые страны-участницы снова переориентировались на Россию. После войны в Грузии организация ГУАМ, как таковая, прекратила свое существование.

В данный момент попытки Запада привязать к себе такие страны, как Украина или Беларусь, и одновременно создать России помехи на бывшем советском пространстве не приносят особого успеха и скорее свидетельствуют об их беспомощности. Поэтому современные реалии заставляют внимательнее присмотреться к сценарию номер три. В тени финансового кризиса России удалось снова укрепить зоны своего влияния в «ближнем зарубежье» – на территории бывшего Советского Союза, развалившегося в 1991 г. Москва отложила весомые части своих валютных и золотых резервов «на черный день» и надеется, что в будущем сможет скупать энергетические системы и другие стратегические промышленные отрасли у своих соседей. Запад ничего не предпринял против этого, так как был слишком занят решением собственных проблем.

Потенциал дальнейшего расширения ЕС из-за финансового кризиса кажется исчерпанным. Западноевропейские налогоплательщики не могут бесконечно раскошелиться, чтобы спасти экономические системы своих восточных окраин. Ни США, ни ЕС на сегодняшний день не обладают свободными ресурсами, чтобы подставить плечо таким государствам с «буксующими» переходными экономиками, как Украина и Беларусь. Кроме того, после серии переворотов в странах Северной Африки Евросоюз должен был бы отклониться от своей амбициозной восточной стратегии партнерства и развернуться в сторону гораздо более насущной стратегии в регионе южного Средиземноморья. Едва ли можно вообразить, что Россия в короткие сроки дорастет до равноправного соперника ЕС. Однако процесс реинтеграции, основанный на интегрированном энергетическом комплексе, вполне вероятен. После того как попытки стран Содружества независимых государств (СНГ) создать привлекательный противовес модели Евросоюза на Востоке потерпели неудачу, Москва продвигает идею «единого экономического пространства», ядром которого должен теперь стать Таможенный союз. Возможно, подобный процесс соответствует историческим стандартам. Страны, расположенные между Россией и ЕС, не желают всю жизнь скучать в приемной в ожидании милости. В тот момент, когда они поймут, что их вступление в ЕС в ближайшее время иллюзорно и остается только на уровне обещаний, они вполне могут принять предложение о вступлении в Евразийский экономический союз.

Таможенный союз является пробным шаром будущей реинтеграции. После финансового кризиса мировая экономика создала новые региональные экономические блоки. Россия не желает оставаться в стороне. С 2011 г. Таможенный союз объединяет три проявляющих готовность к интеграции страны – Россию, Казахстан и Беларусь. Он предлагает беспрепятственный выход на рынок, таможенные пошлины взимаются только на внешних границах, в общем пространстве господствует свобода передвижения товаров. Привлечение Украины – очевидно. Рождение Таможенного союза было нелегким. Сначала Запад предостерегал страны от вступления в него, угрожая исключением их из ВТО. Даже в России по этому поводу существовали разногласия между сторонниками сближения с Западом и сторонниками реинтеграции в СНГ в том, должна ли Москва сфокусировать свое внимание на Таможенном союзе или на интеграции в ВТО. Это не катастрофа, Таможенный союз не ввел единую цену на энергию, на что очень рассчитывала Беларусь. Целью этого объединения также является сдерживание потоков дешевых товаров из Китая. По словам генерального секретаря Таможенного союза, в нем будет доминировать рубль и русский язык как официальный, а его головной офис расположится в Москве. Типичное для России притеснение соседей могло бы снова отпугнуть остальных кандидатов на реинтеграцию. Москве необходима страна – весомый партнер, с которым она могла бы вступить в равноценный интеграционный проект – по подобию модели «немецко-французского мотора» в ЕС. Варианты – Казахстан и Украина.

Один из самых известных олигархов Украины – Виктор Пинчук, в свои 50 лет – типичный победитель в непрозрачных приватизациях девяностых годов, заложивших фундамент его миллиардного состояния. Стальной магнат и крупнейший производитель газопроводов в Украине, он еще до «оранжевой революции» вступил на путь меценатства. Сегодня он стоит в одном ряду со знаменитыми филантропами Биллом Гейтсом и Джорджем Соросом. Пинчук спонсирует концерты, распределяет университетские стипендии, борется со СПИДом. Он поддерживает известный Музей современного искусства в Киеве. В 2004 г. он основал форум «Ялтинская европейская стратегия» (Yalta European Strategy – YES), ориентированный на интеграцию Украины в Евросоюз. Для бывшего президента МВФ Доминика Стросс-Кана YES стал самым интересным форумом в Восточной Европе.

На фоне, напоминающем лыжный курорт Давос, Пинчук собирает своих сподвижников, чтобы найти для Украины новую стратегию.

Украина 30 % своих внешнеторговых операций проводит с ЕС, Россией и другими странами. Она успешно вступила в ВТО и получила торговые льготы от ЕС и стран-участниц ВТО. Теперь она должна вступить в Таможенный союз, чтобы получать из России дешевый газ. Однако таким образом будут нарушены правила ВТО. Проблема, перед которой оказалась Украина, не столько техническая, сколько политическая. При вступлении в Таможенный союз ей грозят убытки до 60 % объемов ее внешней торговли с иностранными государствами. Россия заманивает Украину в новую модель реинтеграции не только льготной ценой на газ, но также идеей создания общего рынка сельскохозяйственных продуктов – того, в чем Евросоюз отказывает Киеву. Пинчук предлагает взвесить все аргументы и разработать план, каким образом Украина может заключить ассоциативное соглашение с ЕС и одновременно с «единым экономическим пространством». Киев не хочет ставить точку в западной интеграции, но также не желает вечно ссориться с Россией. Большинство украинского населения хотело бы войти в Европу, но при этом сохранить хорошие отношения с Россией. После того как руководство «оранжевой революции» испортило отношения с Россией, должно последовать разоружение.

Добрососедство России и ЕС: увенчается ли успехом?

Вступление Украины в «единое экономическое пространство» стояло в повестке дня еще до «оранжевой революции». Однако «оранжевое» руководство хотело с помощью разжигания конфликта с Россией и провозглашения Украины фронтовой линией защиты «свободного Запада» от «неоимпериалистической России» вызвать у НАТО и ЕС потребность в ее охране, чтобы побыстрее присоединиться к Западу. Вместо того чтобы использовать ситуацию после успешной «оранжевой революции» для укрепления правовой системы и рыночной экономики, президент Виктор Ющенко пошел на создание украинского национального государства с отказом от всего русского. Он использовал украинскую монополию на поставки российского газа на Запад для шантажа Москвы. В конце концов «оранжевая революция» потерпела поражение из-за внутренней борьбы за власть, неспособности провести реформирование экономики и непреодолимой энергетической зависимости от России. Украина принадлежала к числу тех европейских стран, которых финансовый кризис задел особенно тяжело. В отличие от России Украина не владела спасительным якорем в форме многомиллиардного резервного фонда. Киев выделил значительную часть дефицитного государственного бюджета на социальные нужды населения, потеряв при этом доверие МВФ. В 2009 г. страна имела задолженность в 32 миллиарда долларов и не могла больше оплачивать российский газ. Премьер-министр Юлия Тимошенко выторговала у Москвы компромисс, после чего Ющенко обвинил ее в государственной измене. Можно считать чудом, что в эти дни Украина не стала банкротом и не превратилась во вторую Грецию. В 2010 г. Ющенко не был переизбран на новый президентский срок, во втором туре выборов против прозападной Тимошенко выступил и победил восточнукраинец Виктор Янукович. Сразу после этого новоиспеченный президент осуществил поворот во внешней политике – возможно, самый крутой за все время молодой украинской истории. Украина официально отказалась от вступления в НАТО и продлила срок дислокации российского Черноморского флота в Крыму еще на четверть века. Киев гарантировал беспрепятственный транзит российского газа через украинскую территорию. За это Украина снова получила льготы на газ. Путин назвал политическую цену, которую должна была заплатить Украина за возвращение к российским энергетическим субсидиям, – вступлением в «единое экономическое пространство».

Раньше Запад испытывал страх перед вновь окрепшей Россией, что и явилось существенной причиной того, почему он так интенсивно взялся за Украину. Запад промолчал, так как был рад, что газ из России беспрепятственно проходил через Украину в Западную Европу, и Москва больше не чувствовала угрозы со стороны НАТО. То, что Янукович немедленно изменил Конституцию и снова поднял престиж президентской власти, перед тем ослабленной в угоду Раде, понравилось Западу так же мало, как и создание в Украине вертикали власти наподобие путинской. Все же ввиду геополитического значения Украины Запад прекрасно понимал желание Киева через 5 лет хаоса наконец достичь внутренней стабильности. МВФ перевел Киеву последний транш кредита в размере 16 миллиардов долларов, который был обещан предшествующему «оранжевому» правительству, но не был окончательно выплачен. В свою очередь Киев выполнил строгие требования экономии, выдвинутые МВФ, и начал предпринимать реформаторские шаги. И поглядите-ка, Украина более-менее выстояла во время экономического кризиса. В 2009 г. промышленное производство сократилось на 40 %, а в 2010 г. ВВП вырос на 20 % по сравнению с предыдущим годом, одновременно государственный бюджет получил на 44 % больше средств. Украина больше не являлась «трудным ребенком» Европы. UEFA окончательно дал «зеленый свет» для проведения чемпионата Европы по футболу 2012 г.

Поэтому неудивительно, что газовый спор между Москвой и Минском оставил Запад равнодушным. Белорусский автократ Александр Лукашенко также пострадал от финансового кризиса. За 16 лет ему более или менее удалось ввести в Беларуси симбиоз государственной плановой и рыночной экономик. В двухчасовой беседе он поведал интервьюеру из Берлина о преимуществах своего консервативного социализма: социальное устройство в исправности, государство серьезно относится к социальному обеспечению, нет жадных олигархов, почти нет безработицы. Все же в 2009 г. Лукашенко, как и все остальные, во время финансового кризиса попадает в бедственное положение. Денег в некапиталистической Беларуси не было. Он стоял перед муками выбора, кого привлечь к последующей приватизации собственной экономики – западных или российских инвесторов? Это решение могло затронуть основы его власти. Поэтому Лукашенко затеял опасную игру. Он провоцировал русских, почти разрушив Таможенный союз. Александр Лукашенко заявлял, что больше не нуждается в российской нефти, так как он нашел замену в Венесуэле. Доведенный до белого каления президент Медведев отреагировал жестко и, нарушив все общепринятые дипломатические правила, персонально атаковал Лукашенко. В российской прессе одна за другой публиковались обличительные статьи против «диктатора» Лукашенко. Белорусский президент в ответ на это кинулся в объятия ЕС, пригласил западных экономических боссов, пообещал с этих пор проводить демократические выборы и превратить Беларусь в правовое государство. К президентским выборам были допущены многие кандидаты от оппозиции, что смягчило Запад. В качестве жеста доброй воли Лукашенко освободил из тюрем политических заключенных, благодаря этому добившись отмены западных санкций.

Ведущие политики Евросоюза с любопытством двинулись в Минск, чтобы увидеть положение дел собственными глазами. Кое-кто пришел к опрометчивому заключению, что Беларусь вполне созрела до настоящего кандидата для вступления в ЕС. Шансы вырвать Минск из «объятий» Москвы выглядели привлекательно. Но потом, в вечер выборов в декабре 2010 г., все оказалось на своих местах. Преимущество Лукашенко было значительным. Разочарованная оппозиция с протестами вышла на улицы. Когда демонстранты приблизились к Дому правительства и некоторые активисты призывали к штурму здания, Лукашенко почуял опасность «управляемой извне революции» и послал милицию на разгон протестующих. Почти всех

бывших кандидатов в президенты арестовали и обвинили в подстрекательстве. Революционная попытка выступления против Лукашенко провалилась. Белорусская оппозиция просто не имела таких лидеров, как в свое время Россия в лице Ельцина и Украина в лице Ющенко. Реальной альтернативой Лукашенко мог стать, собственно, кандидат из той же системы.

Запад был в ужасе: только что во Франкфурте состоялась большая немецко-белорусская конференция и были подписаны бесчисленные договора о сотрудничестве – и тут такая незадача. Запад опять выдвинул санкции против Лукашенко. Однако тот снова прибегнул к арестам, при ближайшей возможности собираясь «обменять» политических заключенных на отмену западных санкций.

Всего через несколько дней после президентских выборов в Беларуси Таможенный союз вступил в силу. Неожиданно Москва и Минск пришли к согласию по всем спорным пунктам. У России не было альтернативы Лукашенко, так как все оппозиционные кандидаты еще больше отдалили бы Беларусь от Москвы. Беларусь стала буфером между НАТО и российскими вооруженными силами. Лукашенко разыграл этот козырь против Москвы. Повышение цен на поставки российской нефти в Беларусь, из-за чего велись горячие споры, было отменено. Россия сделала «реверанс» и снова поймала Беларусь в сети своей политики реинтеграции.

Ориентация стран постсоветского пространства зависит от субъективных представлений, разработанных господствующими элитами, стоящими сейчас у кормила власти. Смена одного президента на другого в каждой отдельной стране может развернуть внешнюю политику на 180 градусов. Яркие примеры этого – Украина и Молдова. Об изменении курса Киева только что говорилось. Пока в Молдове у власти стояли коммунисты, Кишинев вел дружескую политику по отношению к России. В 2010 г. место у руля заняло прозападное руководство, и отношения между обеими странами драматически ухудшились. При таких обстоятельствах точный прогноз, в каком направлении движется постсоветское пространство, невозможен. В 2015 г., к примеру, Януковича может снова сместить Тимошенко, тогда Украина опять переметнется в лагерь Запада. Беларусь без Лукашенко точно так же способна найти прибежище на Западе. Драматические перемены когда-нибудь предстоят и в Средней Азии. Президенты – выходцы еще из советской иерархии – после окончания срока их полномочий могут быть заменены совершенно другими политиками. Правда, там прозападные фигуры менее вероятны, скорее можно рассчитывать на исламские силы или вовсе на китайских вассалов.

Россия почти не имеет влияния на Южном Кавказе. Грузия практически является союзником США и после пятидневной войны 2008 г. вышла из состава СНГ. Со всех сторон обхаживаемый из-за своих внушительных энергоресурсов Азербайджан между делом стал достаточно силен, чтобы вести независимую политику по отношению к России и Западу. На Южном Кавказе доминируют два территориальных конфликта. Грузия в результате военного нападения на Россию по своей вине потеряла две мятежные провинции – Абхазию и Южную Осетию. Эти страны обречены десятилетиями жить в том же статусе, что и Северный Кипр, который уже 40 лет существует де-факто, однако де-юре признается только Турцией. Выдавливание России из Абхазии и Южной Осетии точно не относится к приоритетам западной политики.

Во втором конфликте – по поводу Нагорного Карабаха – вопросы энергоснабжения видятся причиной того, почему США, ЕС и Россия хотят оставить этот территориальный спор в замороженном состоянии. Ожесточенная борьба между Арменией и Азербайджаном, претендующим на обладание Нагорным Карабахом, не утихает. Согласно международному праву и по признанию демократической общественности, Карабах однозначно принад-

лежит Азербайджану, который 20 лет назад насильственно отобрал его у Армении. Однако по новому истолкованию международного права, согласно которому народ имеет право на самоопределение и территориальное суверенитет (пример – Косово), Армения получила в руки веский аргумент. Резня армянских меньшинств, произошедшая в Азербайджане в последние дни существования Советского Союза, привела к тому, что эти меньшинства больше не хотят жить в азербайджанском государстве и видят своей защитницей Армению.

Новый «шелковый путь» или одностороннее движение в Китай?

С одной стороны, Запад и Россия заботятся о стабильности на Южном Кавказе. Россия видит в Азербайджане стратегического партнера по международному бизнесу. В то же время Южный Кавказ является для России важным коридором в Иран. Российские товары должны доставляться железнодорожным транспортом к Индийскому океану. Армения – военный союзник России, и Москва не имела бы ничего против, если бы в будущем газопроводы из Азербайджана и Турции проходили не только по территории Грузии, но и через Армению. Запад, со своей стороны, также мало заинтересован в игнорировании Армении. Когда оба заклятых исторических врага – Турция и Армения – в 2010 г. начали совещаться по поводу открытия своих границ, в сторону Запада повеяло свежим ветром. Армения, изолированная со всех сторон, получила бы доступ в ЕС через Турцию, а Запад через Анкару мог бы укрепить свое влияние на Южном Кавказе. Однако жесткое требование Армении, выдвинутое по отношению к Турции, сделать официальное признание вины за геноцид 1915 г. завело все переговоры в тупик. Азербайджан не согласится с потерей Нагорного Карабаха. Если потерянный в войне против Армении регион не будет возвращен с помощью переговоров, Баку угрожает военным ударом. Годами Азербайджан инвестирует львиную долю своих доходов от экспорта нефти и газа в собственное вооружение. Для Запада – ужасный сценарий, так как именно через Южный Кавказ должен пройти столь важный для энергоснабжения газопровод «Набукко». Для энергетической безопасности Запада возникла бы серьезная угроза. Без стабильности на Южном Кавказе Запад также не сможет проложить современный «шелковый путь» в Среднюю Азию.

Томас Кунце, руководитель фонда имени Конрада Аденауэра в Узбекистане, уверенно и элегантно ведет свой внедорожник по пыльным улицам Ташкента. Он с удовольствием везет своих прибывших из далекого Берлина гостей на обед. Стоит конец октября, но еще можно сидеть на улице в маленьком дворике с плещущимся фонтаном. Разумеется, Кунце заказывает плов – национальное блюдо этой страны – сочное мясо, приготовленное с красноватым рисом. Это любимый ресторан Йошки Фишера, утверждает хозяин. Здесь будет «высидиваться» план газопровода «Набукко». Фишер, как известно, лоббист этого проекта. Сразу же после обеда все идут на конференцию с участием дочери президента страны. Около ста в основном молодых узбеков с нарастающим волнением следят за тем, как руководительница внешнеполитических Think-Tanks Гульнара Каримова отстаивает свою позицию в рамках дискуссии о политическом будущем Средней Азии с немецкими политиками.

Хотя Средняя Азия территориально не расположена между Россией и ЕС, она все равно является яблоком раздора. Там, на территории великой с ЕС, живут 53 миллиона человек. Большая часть Средней Азии – это пустыня, непригодная для жизни. Пять среднеазиатских стран – Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан после неожиданного обретения независимости в 1991 г. стали самостоятельными государствами. Это не было само собой разумеющимся, потому что, в отличие от Южного Кавказа, здесь не было традиций национальной государственности, и Средняя Азия, окруженная Каспийским морем, высокими горами, Китаем,

территориями исламского экстремизма и Россией, не обладала выходом на мировые рынки. С одной стороны, этот регион всегда был периферией, а с другой – по этой территории проходил знаменитый «шелковый путь», существовавший вплоть до открытия морского пути в Индию, который вытеснил его и стер Среднюю Азию с карты мира на 500 лет. В эпоху колонизации две мировые империи – Великобритания и царская Россия – вели спор за доминирующее положение в этом узловом пункте трех мировых культур. Вскоре после развала царской России в 1917 г. Средняя Азия получила шанс освободиться от колониальной зависимости и политически интегрироваться в возродившийся Средний Восток, но большевики не отдали бесценное исламское сокровище. Только после Второй мировой войны было по-настоящему оценено значение Средней Азии для энергоснабжения. Советский Союз признал ископаемые энергетические запасы Каспийского моря стратегическими резервами и не добывал их. Поэтому длительное время не существовало трубопровода для транспортировки нефти и газа из Средней Азии. После развала СССР Запад поразился изобилию энергоресурсов и сырья в Каспийском регионе и тотчас кинулся на гигантские резервы сырья. При этом он угодил в конфронтацию с Москвой, которая рассматривала каспийские ресурсы как свою собственность.

Среднеазиатские государства конкурировали между собой – за господство, кредиты, энергоресурсы и воду. Конфликтный потенциал выше, чем на Балканах. Государственные границы базируются на искусственном разграничении времен СССР. Сталин провел их произвольно через этнические поселения, движимый дьявольской мыслью, что каждая попытка высвобождения из Советского Союза вызовет кровавые конфликты в различных этнических группах. Ферганская долина, расположенная в точке пересечения трех стран – Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана, считается самым взрывоопасным треугольником мира.

Будущее среднеазиатского региона пока неизвестно. Влияние России безоговорочно сокращается и все равно пока остается самым сильным по сравнению с другими внешними игроками. Властные элиты Средней Азии в большинстве своем все еще имеют советское происхождение и связаны с Москвой политическими сетевыми структурами. В экстремальном случае среднеазиатские владыки могут рассчитывать на реальные гарантии безопасности и защиту своих режимов только от России. Правда, в 2009 г. российская энергетическая гегемония закончилась, когда местные производители за экспорт своего газа затребовали у Москвы мировые цены. Россия уступила, чтобы таким образом еще некоторое время сохранять влияние в регионе. Но для этого Москва должна очень постараться и взрастить там пророссийски настроенную элиту.

К Западу элиты Средней Азии сохраняют противоречивое отношение. Инвестиции и трансфер технологий приветствуются, вмешательство во внутренние дела тем не менее не допускается. Политики Средней Азии опасаются переноса идей западных демократий в свой регион. Они постоянно указывают своим западным партнерам на опасность исламизма, но все время слышат в свой адрес упреки, что их борьба против исламистского терроризма – лишь предлог для узаконивания их авторитарного режима. Тем не менее Западу всегда симпатизировали в регионе – в противовес России. Благодаря такой двойственной игре великих держав страны Средней Азии укрепили свои политические преимущества и начали пожирать плоды с обеих сторон. В конце концов такая дипломатия стала привычной составной частью их стратегии выживания.

Средняя Азия, отодвинутая на задворки Советского Союза на десятилетия, в одночасье превратилась в арену борьбы сегодняшних мировых и региональных сил. Сначала Турция попыталась «отуречить» молодые нации. Но для этого у нее не хватило сил. Юные среднеазиатские государства не

нуждались в новом «старшем брате». Затем Иран заявил претензии на ведущую роль в региональной кооперации с новыми сопредельными государствами Каспийского моря. Иран опасался за свое место соуправляющего столь стратегически значимыми резервами газовых и нефтяных запасов в Каспийском регионе, которое раньше Тегеран делил только с Россией. Между тем единственная оставшаяся сверхдержава мира – США, расположив свои концерны на западном и восточном побережьях Каспийского моря, определяла географический ход торговли энергоносителями. США потребовалось 15 лет, чтобы разрушить существующую модель нефтепроводов на Южном Кавказе, и нефть нашла свой путь на западный рынок через Грузию и Турцию. Америка проводила в регионе Каспийского моря классическую политику силы и практиковала сдерживание своих геополитических соперников – России, Китая и Ирана. Из своего опорного пункта – Средней Азии США дополнительно контролируют пограничные области между Индией и Пакистаном.

Западные политики осознают, что во время продолжающейся 10 лет афганской войны НАТО на Гиндукуше защищало Запад и его ценности от исламистов и террористов. Средняя Азия извлекает пользу из западной «защитной войны», так как до того, как Международные силы содействия безопасности (ISAF) после терактов 11 сентября 2001 г. вошли в Афганистан, до зубов вооруженные исламисты «Аль-Каиды», возможно, готовились к военному вторжению в Среднюю Азию. Исламистские террористические группы в 1999 и 2004 гг. совершали кровавые нападения на Узбекистан, в Таджикистане исламисты добились для себя мест в правительстве, а Туркменистан выторговал в 2001 г. у «Талибана» пакт о ненападении. Распространение исламизма в Средней Азии могло повлечь за собой радикализацию 13 миллионов российских мусульман. Недолго думая, Россия открыла перед Западом ворота в Среднюю Азию, чтобы он помог вытеснить «Талибан» и «Аль-Каиду» из Афганистана. До 11 сентября Кремль размышлял о нанесении собственного целенаправленного воздушного удара по «Талибану». Но для этого Москве не хватило ни военной силы, ни политической воли. В 2001 г. американцы перевернули страницу, однако они, а не Россия стали оборонительной силой против исламизма в Средней Азии.

Взгляд Запада на Среднюю Азию полон критики и обеспокоенности, потому что ни одна из среднеазиатских стран-наследниц советской империи не установила у себя демократии со свободной рыночной экономикой. Для Запада среднеазиатские государства не стали ценными партнерами, максимум – союзниками по безопасности. Изначально подготовленные ЕС в девяностые годы технические проекты сотрудничества в области транспортных и энергетических структур снова были заморожены. У европейцев создалось неприятное впечатление, что их среднеазиатские партнеры хотят исключительно денег. Западные фирмы постоянно подвергались обману и надувательству. Потом, в 2006 г., случилась российско-украинская газовая война, и ЕС понял, что для своей энергобезопасности он должен создать альтернативу и диверсифицировать ввоз энергоносителей. Взгляд европейцев поневоле снова обратился на Среднюю Азию.

Реинтеграция или распад?

Хотя европейские политики снова и снова подчеркивают, что разработанная в 2007 г. с помощью немецкого политдизайна среднеазиатская стратегия ЕС ни в коей мере не является стратегией «выкачивания» энергии, это высказывание не соответствует действительности. Среднеазиатская стратегия Запада очищает путь к осуществлению планов строительства газопровода «Набукко». От реализации этого проекта также в большой мере зависит, станет ли ЕС центральным игроком в Средней Азии или опять должен будет «сняться с места». ЕС снова реанимировал уже преданные забвению проекты создания инфраструктуры «ТРАСЕКА» и «INOGATE» и по-

пытался стимулировать инвестиции в разработку сырьевых запасов Средней Азии. Евросоюз даже хотел стать посредником в споре за водные ресурсы и по образцу стального и угольного союзов в послевоенной Европе разработать план водного союза для Средней Азии. Неудивительно, что эта стратегия, так же как и последовавшее за ней «восточное партнерство», рассматривалась Москвой как инструмент сдерживания влияния России.

Почему в среднеазиатской стратегии отсутствует ясное признание сотрудничества с Россией? Ведь ЕС и так вел в Средней Азии запутанную политику. Национальные энергетические предприятия конкурировали за договора сотрудничества, свои интересы для фирм были ближе, чем поиск утопического общеевропейского схождения интересов. По мнению директора «Дойче банка» в Восточной Европе Петера Тильса, жадный до энергоносителей Китай давно «переплюнул» своих российских, американских и европейских соперников. Китайская торговля в Средней Азии за последние десять лет увеличилась в десяток раз, а российская только удвоилась. По объемам Китай и Россия находятся примерно на одном уровне. Пекин выделяет огромные кредиты среднеазиатским правительствам, которые выплачиваются в виде поставок газа. За 5 миллиардов долларов была создана транспортная инфраструктура Казахстана в направлении Востока, т. е. Китая. Базары в среднеазиатских городах ломятся от китайских товаров. Китайцы воспринимаются там как цунами, как рок, которого невозможно избежать. Китай настолько силен, что среднеазиатские государства вынуждены прийти с ним к соглашению.

По мнению военно-политического руководства, положение в Средней Азии требует продления дислокации войск в Афганистане. Хотя «мягкая» по сравнению с «жесткой» американской стратегией сдерживания противников среднеазиатская стратегия Евросоюза выбрана правильно, возникают сомнения в отношении того, не станет ли ЕС еще одним опоздавшим игроком в этом регионе мира. Между тем русские и китайцы воздвигают гидроплотины и газопроводы. ЕС должен главным элементом своей дипломатии в Средней Азии сделать внешнеэкономическое стимулирование собственных предприятий.

Германия как раз этим и занимается при начинающемся открытии Туркменистана – до сих пор самой изолированной страны Средней Азии. Ашгабад ищет возможности для диверсификации своего энергетического экспорта, чтобы не быть зависимым лишь от России и Китая. Туркменистан является вторым по величине поставщиком газа на Востоке. Ему срочно необходима новая инфраструктура, и прежде всего современный аэропорт. Страна годами считалась наследницей «сталинской диктатуры», сейчас там регулярно приземляются самолеты с политиками и бизнесменами с Запада. Даже председатель комиссии ЕС побывал здесь в 2010 г.

В 2005 г. в Средней Азии произошли два восстания, одно из которых, как ни парадоксально, случилось в самой либеральной среднеазиатской стране – Кыргызстане. Здесь «тюльпановая революция» точно так же смела старый режим, как народное движение изгнало тунисского диктатора Бен Али в пустыню. Запад рассматривал этот процесс как продолжение «цветных революций» в Грузии и в Украине. Почти в это же время начались волнения в узбекском Андижане, жестоко подавленные государственной властью. Это не было народным восстанием, как в Кыргызстане или позже в Северной Африке, однако Евросоюз осудил бойню и сначала наложил жесткие санкции на Ташкент, которые, правда, сразу же отменил, так как Узбекистан был необходим ему в качестве базового лагеря для снабжения контингента НАТО в афганской войне.

В 2010 г. в Кыргызстане разразилось второе массовое восстание – на этот раз против новой президентской клики. Нищета, дискриминация меньшинств и социальная несправедливость выгнали людей на улицы. Про-

изошло новое свержение президента и – что гораздо хуже – этнические погромы узбекских меньшинств, для чего применялись даже автоматы Калашникова. Предложение Запада в рамках миротворческой миссии ОБСЕ послать туда силы безопасности изначально было принято временным правительством в Бишкеке, но затем быстро отклонено. ЕС попытался применить партнерскую стратегию, но остался лишь сторонним наблюдателем конфликта. Кыргызстану, который в девяностые годы превозносился как единственная демократия в Средней Азии, угрожал раскол на север и юг, что могло дестабилизировать весь регион. Удивляет, что такая военизированная террористическая организация, как «Исламское движение Узбекистана», не использовала переворот в этой стране ради достижения своей цели – внедрения халифата. Очевидно, международное движение джихад было еще слишком втянуто в борьбу против Запада в Афганистане. По мнению экспертов, третья революция в Кыргызстане будет носить исламистский характер.

Возможным сценарием будущего Средней Азии является интеграция в Средний Восток. Но для этого, однако, необходимы всесторонние изменения в менталитете господствующих элит, отказ от советского наследия. Такой поворот, вероятно, может разрушить перешедший из советской эры высокий уровень образования в этих странах. 20 лет назад он был гораздо выше, чем образовательный стандарт в Индии, Иране и арабских государствах. Исходя из экономических соображений, такие страны, как Казахстан и Туркменистан, вполне готовы сблизиться с арабскими государствами ОПЕК. Пессимисты предполагают, что слияние Средней Азии с регионом Среднего Востока если и возможно, то только посредством радикального исламизма. Сегодняшняя относительная стабильность Средней Азии в этом случае может пошатнуться.

Политические обозреватели задаются вопросом, могут ли массовые волнения и демократические революции в арабском мире перекинуться и на Среднюю Азию. Существуют очевидные параллели. В Средней Азии за прошедшие после развала Советского Союза 20 лет выросло новое поколение, лишенное воспоминаний о коммунизме, которое теоретически способно выдвинуть политические требования, подобные тем, что выдвигает арабская молодежь. Первым опасность почувствовал умный казахский глава государства Назарбаев. Он пресек попытку своего парламента провозгласить его президентом пожизненно и предпочел дать возможность народу избрать его на последний президентский срок. Таким образом, он выбил карты из рук всех своих противников в правительстве на последующие годы. Назарбаев также явился истинным основателем Евразийского экономического союза – более-менее удачного проекта реинтеграции на территории бывшего Советского Союза, который не проистекал из доминирования России. Любопытно, что речь шла не о создании региональной экономической реинтеграции со среднеазиатскими соседями, а скорее об идее огромной зоны свободной торговли совместно с Россией, государством, с которым его страна связана самой длинной общей государственной границей в мире (почти 7000 км). Во время финансового кризиса Назарбаев выдвинул идею общей евразийской валюты – евраз. Позже он сыграл роль крестного отца при основании единого экономического пространства, которое в 2012 г. станет реальностью.

Казахстан и Россия совместно продвигают реинтеграцию на постсоветском пространстве, как когда-то Германия и Франция заложили фундамент ЕС. Дополнительно Москва лихорадочно работала над тем, чтобы вовлечь Украину в общий процесс реинтеграции. Проект был заманчивым: единое экономическое пространство вместе с ЕС должно создать зону свободной торговли, и тогда произошло бы идеальное объединение Европы с Евразией. Назарбаев не использовал шанс своего казахского председательства в

ОБСЕ в 2010 г., чтобы подтолкнуть эту международную организацию, которая была создана для того, чтобы объединить евроатлантическую и евроазиатскую зоны на новый лад, к более решительным действиям. ОБСЕ должна была созреть для наиболее эффективного решения существующих территориальных конфликтов на постсоветском пространстве. Однако Запад ограничил свой радиус действия продвижением демократии в государства-преемники Советского Союза. Но за 20 лет новые независимые государства постепенно пресытились отношениями учитель – ученик. Они хотели поднять престиж ОБСЕ, но им в этом мешали западные государства, не желающие создавать конкуренцию НАТО.

До этих пор надо было преодолеть еще некоторые преграды. География, как известно, это судьба, и такая страна, как Казахстан, не могла просто выйти из своего среднеазиатского контекста, хотя и являлась законным носителем евразийской идеи. Другой член единого экономического пространства – Беларусь предложила создать Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) для защиты ее членов от революций извне. Должна ли была ОДКБ стать щитом от так называемых «цветных революций»? Едва ли, так как в кыргызском кризисе союз продемонстрировал свое бессилие. Скорее ОБСЕ, доминирующая в западных государствах, смогла бы выступить в роли миротворца.

ОДКБ имела множество конструктивных недостатков. Во-первых, отдельные государства-участники попытались выторговать у США особые условия для размещения военных баз на своих территориях. За использование этих баз Вашингтон платил аренду, которая во много раз превосходила вносимую Москвой за космодром в казахском Байконуре. Во-вторых, Россия оснащала своих военных союзников оружием из устаревших арсеналов, что не особенно способствовало укреплению их оборонительных сил. В-третьих, Москва хотела уговорить своих союзников признать Абхазию и Южную Осетию независимыми государствами. Все же Россия нуждалась в ОДКБ, чтобы сохранить свою независимость от Китая в Средней Азии. Сегодня эта группа не внушает страха ни Китаю, ни исламистам. Также и НАТО не хочет повышать престиж ОДКБ, подписав с ней пакт о сотрудничестве. Будущее южного фланга бывшей российской империи остается туманным.

Перевод с немецкого С. Ширшовой